

The book cover features a watercolor illustration of a young woman with long red hair in a green hoodie and a young man in a brown vest, both looking at a large, vibrant blue cornflower. The background shows a cityscape with a tall building and a church spire. The title is written in a stylized font across the top, and the author's name is at the bottom right.

ЛЮБАВА ГОРНИЦКАЯ

ГЕРБАРИЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПОЛЯНСКОГО

ХУДОЖНИК

А. ЗЮЛЬМАНОВА

абрикбукс

Любава Горницкая
Гербарий путешественника
Полянского
Серия «Тайная дверь (Абрикос)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72053656

*Гербарий путешественника Полянского: Абрикобукс; Москва; 2025
ISBN 978-5-6050961-4-6*

Аннотация

Динка любит свой маленький город Курицын и ведёт видеоблог про его тайны. На камеру она рассказывает городские легенды – о крике петухов, отрубающих вайфай во всём городе, о том, почему все дома покрашены в разные цвета и кто поёт в ливнёвках во время дождя. Однажды утром Динка с подругой Леркой находят старинную овальную монетку...

За сто лет до Динки в окрестностях Разенбурга, который позже станет Курицыном, в усадьбе Полянских живёт маленький Коля. Он мечтает о путешествиях и приключениях, но пока весь его мир – больная мама, заветный гербарий и друзья-привидения, хранители этих мест. Одно из привидений подарило ему монетку странной формы, и этот талисман должен хранить Колю от всех бед. Наблюдательный и добрый мальчик верит в волшебство вокруг себя, но иногда этой веры недостаточно.

Повесть перекликается двумя временными периодами, историями Коли и Динки. Героиня нашего времени и будущий великий путешественник должны каждый со своей стороны узнать тайну овальной монетки и подарить надежду себе и городу на границе степи.

Все права зарегистрированы. Никакая часть этого издания не может воспроизводиться, храниться в информационно-поисковых системах или передаваться в любой форме и любыми средствами, электронными, механическими, фотокопировальными, записывающими или иными, без предварительного письменного разрешения издателя. Письменные инструкции, фотографии, рисунки, узоры и проекты из этого издания предназначены только для личного пользования читателя и могут воспроизводиться только с этой целью. Любое другое применение без разрешения правообладателя, в особенности коммерческое, запрещается в соответствии с законом.

Содержание

Пролог № 1	6
Пролог № 2	12
Часть первая	17
Первая глава	18
Вторая глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Любава Горницкая

Гербарий путешественника

Полянского

*Тебе нужна причина приезжать —
Как школьнику прилежному гербарий.
Мария Тухватулина. «Гербарий»*

© Горницкая Л. И., 2025

© Зюльманова А. И., 2025

© ООО «Издательство «Абрикос», 2025

Пролог № 1

Первая коллекция. Дина Журавлёва

Июнь, 2022 год

Город горит. Полыхает, как мусорка, в которую влетела петарда. Первый – ночной – состав летит по насыпи. День запущен. Мы измеряем время поездами. Три пассажирских в сутки. Три! Раз-два-три, раз-два-три! Раз! Почти вальс. «Разенбургская глина» называется.

Вальс нас учили танцевать к чужому выпускному. Порадуете одиннадцатый, сказали, поможете попрощаться со школой. Да они и без нашей помощи свалили бы. То есть выпустились. Но ладно. Традиция такая. Надо потерпеть.

Мы пытались, честно. Но выходило так себе. Никто не хотел становиться в пары. За руки хватать ещё станут, прижматься. Щупать. На ноги наступать. Мальчишки такие дураки. Ржут как кони. Девчонки такие недотроги. На всё обижаются. Легче спрятаться в женском или мужском (кому куда!) туалете ненадолго. Репетиция-то короткая. Особенно когда танцоры разбежались. Нас ловили и возвращали. Вальсируйте, а то на выступлении опозоритесь! На моё счастье, тот последний звонок я проболела. Нечего пить лимонад прямоком из холодильника. Торжественная линейка обошлась без меня. А вот счёт на «раз-два-три» привязался, запомнился.

И снова: раз! Первый пошёл. Первый, ночной скорый, – «Москва – Анапа» – шумит по насыпи. Гремит костями вагонов над придорожными полынью и кипреем. «Первый поезд едет в полночь». Это факт. Это точка отсчёта нормального дня в городе Курицын. Это строчка считалочки на вы-

бывание. Стуки-палочки за себя! Я играю в прятки.

Я каждый пожар играю в прятки.

Нет!!!

Прошлые пожары были понарошку.

Этот настоящий, понимаешь? Не в видеоролике, не в исторической справке на стенде музея, не в бабушкином сбивчивом рассказе. Этот впечатывается в кожу наползающим жаром.

Кто не спрятался, он не виноват.

Кто не спрятался, превратится в пепел.

Огонь уже идёт искать.

Но если останется только гарь и пустота, то всё. Досчитались. Проиграли.

Если постить об этом в ВК, то нужен хештег *#Курицын-живи*.

Но это как?

Постики писать, когда вокруг жесь?

Как вообще снимают стримы с места катастрофы?

У тех, кто снимает, мозги есть?! И успевают они когда?! Тут думаешь с утроенной скоростью! И не догоняешь события!

Стелется едкий дым. Вытекает из-под век слезами.

Колёса поют. Хотя постойте. Так себе песня, правда. Где мелодия? Какая рифма? Речитатив дурацкий.

Колёса не поют.

Колёса читают рэп.

Тра-та-та. Твой. Дом. В огне. Видишь. Девочка? Та-дах-тах-тах. Город. Опять. Пылает. Тра-та-та. Ди-на! Бе-ги! Ди-на! Прячь-ся!

Человечек из вагона. Призрак с верхней боковой у туалета. Не сходи на станции. Не надо!

А ты и так не успеешь.

Стоянка поезда – две минуты.

На нашей платформе нет времени купить пирожок или заварную пюreshку. Нет времени стоять и дышать. Даже сфоткаться для аватарки толком нет времени. Здесь только наспех выпрыгнуть со своим чемоданом или рюкзаком. И уходить к одноэтажной сине-серой коробочке вокзала с витиеватой надписью «Разенбург».

Ты приехал в Курицын. Который Разенбург.

Город Курицын. Станция Разенбург.

Как у тебя не взорвался мозг, когда оформлял электронный билет? Как приложение РЖД не выдало ошибку 404?

Курицын, какой Курицын, где Курицын, Курицын не найден!

Неважно. Ты приехал.

Приехал? Это событие, прикинь!

Остановка-то есть. Но здесь никогда никто не выходит и не садится в вагон. Для проводников мы, наверное, «станция-которой-нет-но-она-есть».

Есть мы, есть. Главное – остаться. И станцией. И в живых.

#Курицынживи! #Курицынживи!!!

Ну пожалуйста!!!

Зарево над изгибами реки Гремучей. По берегам текут в камыш кляксы чёрных теней. Рэп первого поезда смешивается с воплями моих соседей по лестничной клетке, носящихся с пластмассовыми тазиками и целым одним огне-тушителем (я даже знаю, откуда он у них!). Полночь. У самой воды – три силуэта. Их сложно различить. Серый ночной воздух, пропитанный мутным дымом, кривобокие частные домики улицы Дальней. Тройка свидетелей поджога теряется на этом сомнительном фоне. Но я их вижу. Я их чувствую. Я их знаю. Я понимаю, почему они там. Хромой бледный мальчишка в белой кружевной рубашке на пару размеров больше, чем надо. Смуглая девочка с толстыми косами в тонюсенькой ночнушке. Кудлатая рыжая собака у их ног. Я познакомилась с ними этим дурацким летом, когда снимала видеоблог, ездила в усадьбу Полянских и злилась, злилась, злилась...

Коля Полянский и Петя Курицын смотрят на меня из сохраниёнок смартфона. Подсказывают, что делать.

Девочка с собакой смотрят на меня.

Луна смотрит.

Наверное, даже пассажиры скорого «Москва – Анапа» смотрят. Ничего не видят на такой скорости. Никакой девчонки возле горящего здания не видят. А всё равно смотрят.

Когда хештег *#Курицынживи* сменится на *#ПолянскийорётЪ*, а то и на *#чудесавРазенбурге*, я расскажу.

Честное слово, я умею рассказывать по порядку.

А пока я достаю из кармана монетку.

Ту самую, овальную, где один геральдический лев вдвое крупнее другого.

И делаю шаг к подсвеченной языками пламени впадине оврага.

Монетка теплеет в руке.

Сложно дышать.

Перед глазами – цветные пятна.

Главное – не промахнуться...

Пролог № 2

Вторая коллекция. Коля Полянский

Ноябрь, 1839 год

Не промахнуться. Тут никаких вторых возможностей. Иначе ничего не будет. И не мечтай. Что ты там себе придумал? Путешествия, приключения, горы, море, дикие звери, туземцы, невероятные открытия? Всегда дневная маменька, которая тебя узнаёт и не кричит по ночам? Братья, принимающие всерьёз? Если ты промахнёшься, то конец. Не только мечтам. Тебе конец. И тем, кто с тобой, тоже.

Сам виноват.

Тринадцать лет пожил, теперь всё.

Предупреждали же, не открывая двери дортуара¹ за полночь. Не ходи в сад после отбоя. И уж конечно, не пытайся сбежать. Там, за решётчатой оградой пансиона, зверей не водится. Нечисти – тоже, чай не сказка. Там хуже. Люди.

Это кажется, что до Разенбурга рукой подать, а выйдешь степью к тракту – и до родного Полянского доберёшься, к неспящей ночной маменьке, к заросшей сорной травой старой оранжерее. Кажется, если бежать из казённого неуютя, от слёз в подушку и обидных стычек или чердачной темноты, то просто снова будет дом. Дом и покой – не одно и то же. Но дом уже зарубцевался внутри, оставил поджившие шрамы вместо свежих кровоточащих царапин. Ты останешься один, с гербарием, книгами, лесной тишиной, одиноким лунным мостиком. С той бедой, которая почти не болит.

Помнишь, как в имении?

Река расцветает зеленью. Станешь на бревенчатом мостике, где перила только по одну сторону. Вглядишься в чёрную воду, из которой тянутся склизкие руки водорослей. Говорят, на дне мавки² поют. Ой на дне ли? И звенящий жаром воздух вот-вот обратится в девичьи голоса. Посмотри, как

¹ Дортуар – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

² Мавка (навка – от общеславянского «навь», «мёртвое тело») – в фольклоре южных и восточных славян разновидность русалок; утопившаяся невинная девица или некрещёный младенец женского пола, умерший от руки родителей на Троицкой (Русальной) неделе. У мавок нет, согласно поверьям, хвоста, спина их прозрачна, и сквозь неё видно внутренние органы и небоьющееся сердце.

пусто и солнечно. Как колышется безо всякого ветра осока. Водоросли манят вниз. Только шаг с брёвен, один, маленький. Навстречу стрекозам и чёрным бабочкам. Видишь, кружат над омутом! Шагай, ну! Так, разок, проверить, правда ли там мавьи уголья. Родники холодят воду, тянутся корявые пальцы водорослей, скрывают кости, намытые течением, мягкий подушечный ил. Хрусталём отливают придонные чертоги.

Не ходи!!!

Но чем прятаться и дрожать в тесном подполе, лучше бы к реке. Потому что русалок не бывает. Ни мавок, ни лоскотух, ни водяниц³. Или... почти не бывает. Мало ли что мерещится подле колодца. Мало ли кто ночной кружится в хороводе на берегу. А люди рядом. Люди точно настоящие. Вон переговариваются, топчут тяжёлыми сапогами, зажигают огонь.

Может, попытаться бежать?

Вдруг получится проскочить мимо этих, опасных?

Один бы и бежал. Не стыдно.

Но оба малыша жались к нему. Зачем он вытащил их гу-

³ Лоскотуха (от «лоскотать» – щекотать, болтать) – в фольклоре южных и восточных славян разновидность русалок; утопленницы, умершие от несчастного случая, обитающие не только у водоёмов, но и в лесах и полях. Могут ради игры защекотать насмерть попавшегося им человека. Водяница – в фольклоре южных и восточных славян разновидность русалок; крещёные утопленницы, считающиеся поэтому нежитью, но не нечистой, девушки и девочки, утонувшие в результате родительского проклятия. Часто обитают в небольших водоёмах: колодцах, мельничных омутах или озёрах. На людей не охотятся, могут портить их имущество (запутывать сети, красть вёдра в колодце).

лять? Зачем пообещал чудеса? Зачем красовался, мол, со мной не страшно? Теперь только молиться. Но по мелочам тревожить Боженьку неловко. Перебивать чужие, важные просьбы. Можно пока просто нащупать талисман в брючном кармане. Ну да, чепуха, суеверие. Только ведь талисман принадлежит ему одному. Честно найденный, не отнятый и не краденый. Как положено, по всем обычаям пансиона, трижды побывавший в чулане. А потому действующий. Настоящий талисман для одного владельца. Если с ним, Колей, что случится, талисман тоже пропадёт, сгинет. Поэтому, ну... Пускай помогает! Верить, верить, в спасение верить, пусть и от детской побрякушки! И держать в ладони камень. Готовиться к защите. Ежели что – бросить в чужаков. Другого оружия нет.

Кажется, младшие дрожали. Он и сам еле держался, а тут они. Хотя с ними, непутёвыми, было лучше. Легче сохранять спокойствие самому, когда в ответе за других.

– Ники, а нас не отыщут?

– Тс-с-с... Молчите, да и не отыщут.

Над головой заскрипело, зашваркало. Шур-шур-шур! Сейчас рванут крышку погреба, глянут вниз. Обнаружат.

Не промахнуться.

Левой, свободной от камня рукой Коля сжал в кармане талисман. Так крепко стиснул, что рисунок продолговатой овальной монетки отпечатался на ладони.

Часть первая

Одолень-трава

Первая глава

Первая коллекция. Дина Журавлёва

Июнь, 2022 год

На ладони – сухая травинка. Я верчу её, веду пальцами по стебельку мятлика. Старая игра: взлохматится метёлочка-колосок или нет? Пока Лерка мучает смартфон на скорость, как раз проверю.

А у Лерки мало времени.

Вот-вот пропадёт сигнал.

Посреди дня в палисадниках Курицына начинают вопить петухи. И исчезает вайфай. У нас в это время никогда не ставят уроки в компьютерном классе. Всё равно Сеть скажет: ку-ка-ре-ку!

Экраны недоумённо жмурятся, рябят пустотой.

Приём-приём, связи нет!

Потом птичье многоголосье затихает. Над рекой, за улицей Дальней, печально возмущается «чернобыльская» коза Хтонь Седьмая. Петухи вышагивают по травяным коврам дворов. Или бестолково бродят, теряя перья, за металличе-

скими сетками вольеров. Вайфай воскресает, тянется ввысь с экранов компьютеров, планшетов и смартфонов частоколом белых полосок индикатора.

– Это колдовство такое, – заявляет Глинская, дожевав мармеладного ядовито-лилового червяка.

Я думаю: может, Лерка Глинская и права. Хотя верить в такие штуки стыдно. Сначала вам читают сказки, а потом говорят: никакого волшебства не бывает. Ничего себе. *#Динавшоке*. И хочется верить, что всё-таки случаются чудеса. Только для них совсем не обязательно учить заклинания. Я до конца поняла это год назад. В восьмом классе, на уроке химии. Когда видишь – две яркие жидкости смешиваются в колбе и меняют цвет, образуют что-то третье, шипучее и радужное, то начинаешь верить в науку вместо магии. Даже если все эти феррумы и аргентумы звучат как имена демонов из ужастиков. Но, понимаете, с петушиным криком тут происходила всякая чушь ещё до вайфая.

Телевизоры и радиоприёмники с петухами тоже не дружили.

Говорят (внимание, внимание, говорит Лерка!), первый телевизор появился в Курицыне в 1959 году. Он назывался «Север-3». И это тянет на мем. «Север» в городе, где зимой температура никогда не падает ниже минус пяти! В городе, где нет ни одной улицы с домами одинакового цвета, – коробка с чёрно-белым изображением!

Телик был ровно один на весь город и стоял в квартире

у Глинских. И весь подъезд ходил к ним в гости. Да ладно ещё подъезд! Пара близлежащих улиц пыталась навестить хозяев «Севера-3». Кто-то вообще приезжал на велосипеде с улицы Дальней. Полчаса пилил по всем ямкам и кочкам.

Направление – «Север»!

#чудеса в Разенбурге

Чужие звонили и стучали в дверь так часто, что Глинским стало казаться, это они находятся в квартире телевизора, а не наоборот. Ладно, в будни они были спасены. Потому что сын Юрка никому не открывал дверь, хоть выламывай. И на взрослых смотрел выразительно: мол, не приглашали же. Юрка был человеком с железными нервами. Он уже три года как помогал вожатым в первых классах. И выслушивал жалобы на всех-всех-всех учителей. И разнимал драки в мужском туалете. И успокаивал плачущих девчонок. И следил, чтобы на большой перемене первоклашки поели. Даже если на обед манная каша. С комочками и пенками. Бе-е-е!

Юрка мог бы победить любых соседей. Но его родителям было неудобно. Ну что подумают люди, будто нам жалко дать посмотреть. Поэтому, когда Юрка был занят и решать проблемы старших не мог (например, делал уроки), у телевизора собиралась толпа «гостей».

В воскресенье становилось совсем невыносимо. По воскресеньям Юрка ходил в ДК, в авиамodelьный кружок. Клеил модели самолётов, мечтал стать пилотом. Самолёты над Курицыном появлялись редко, почти никогда, зато легко

парили по страницам пухлых библиотечных энциклопедий. Юрка собирал из мелких деталей крылья и фюзеляжи, воображал себя в кабине и совсем забывал про близорукость минус пять. Так себе билет в лётчики.

А гости в его отсутствие безнаказанно просачивались к «Северу-3». Выныривали в подъезд из сизых зачинающихся сумерек, заплоняли квартиру, выселяя хозяев на кухню. Вечерние программы орали на весь дом так, что даже глухая бабушка с первого этажа кивала в такт дикторам. Супруги Глинские нервно пили чай. Выразительно смотрели в расписанную крупными васильками клеёнку скатерти. Кажется, им не очень нравилось происходящее. И их собственное идеальное воспитание тоже не нравилось. Просто Глинских приучили, что коллектив важнее, чем они. В смысле, не так, что будь человеком, делись, и к тебе потянутся, а: коллективу надо, ты потерпишь. Но это была посредственная теория. Только выгонять и возражать родители Юрки всё равно не умели. В – вежливость.

Или Б – беспомощность?

Но вечером наступало время петухов. Дикторы тускнели под птичий синхрон. Слышался треск, по экрану шли чёрно-белые помехи. Зрители ругались, пытались стучать по телевизору и даже его трясти. Не помогало. И соседи очень огорчались и разбредались по своим квартирам и дворам. Серdito тренькали велосипедными звонками.

А петухов не вызовешь на «проработку».

Хочешь – свари из них суп.

Ну да, ну да. Уха из петуха.

Зачем Курицыну *столько* супа?

Поэтому петухи жили хорошо. Кричи не хочу. Какое там не хочу! Всегда хотели!

И тогда мама и папа Глинские выбирались обречённо из кухни, отмывали с пола прихожей следы чужих ботинок и туфель, укрывали прикорнувшую в кресле бабушку с первого этажа и до самого прихода Юрки делали вид, что их нет дома.

Техника ненавидит петушиный крик. Факт.

Или Юрка Глинский, будущий Леркин прадедушка, рассказавший ей когда-то эту историю, оказался не просто пионером, а ещё и учёным. Ему хватило сообразительности не то отрегулировать телевизор, чтобы тот быстро выключался, не то попросту испортить.

Моя прабабушка, бывшая Юркина соседка по парте, сказала бы: «Мастер-ломастер». Но мы с Леркой думаем, так ювелирно проблемы точно не подстроить. Не в Юрке дело. И не в плохо приспособленном к нашей припадочной городской электросети «Севере-3». Это колдовство, честное слово! Или наука. Не знаю.

Если бы я писала об этом постик в ВК, то выбрала бы хештег *#Курицынчудит*. Именно так. А не *#чудесаВРазенбурге*. Потому что бывает доброе волшебство и глупое. Это – глупое.

Но постик пока пишет Глинская. Отчаянно торопится, старается успеть до петушиного крика. Лерка сидит на изжелта-белых перилах ротонды. За ними – обрыв, внизу плещется Гремучая. Ротонда осталась в старом парке ещё со времён Полянских. Мы часто прячемся тут вдвоём после уроков. В этот угол, далеко от нерабочих каруселей, не доходят гулять мамочки с колясками или старушки. Здесь можно болтать, громко смеяться, включать музыку, подкасты или видеоролики, бросать мелкие камешки и листья в реку, записывать сюжеты в мой видеоблог. А можно просто молчать вместе, держаться за руки и слушать, как внизу шелестит между глинистыми берегами вода.

Глина.

Глинская.

Слова однокоренные.

Неслучайные.

Глинских у нас в городе много. И родственники ой не все! Курицын стоит у карьера, где добывают глину несколько веков. Кто чем занимается, тот так и называется. Традиция, история, все дела. Вот поэтому и...

#чудесавРазенбурге?

#Курицынчудит?

Впрочем, Лерке Глинской плевать на историю её фамилии. Она торопится, пока вайфай не отрубил. Диктует шёпотом:

– Се-го-дня я на-шла ар-те-факт...

Звучит пафосно.

На деле проще. Мы с Леркой летим наперегонки по наклонной улице. Велосипеды старые, надёжные. Обкатанные. На таких легко и за городом. За нами увязывается и бежит, плюясь заливистыми «Гау-у-аф – га-ав-ф!», *#рыжеегавкучее*. Спасибо, хоть не пытается схватить за джинсы или стащить кроссовку. *#Рыжеегавкучее* не беспризорное. Оно живёт возле магазина «Магнит» на повороте к нашей школе. Когда идёт снег или дождь, его пускают внутрь. Охранникам это делать, конечно, нельзя. Собаки пачкают пол, всё такое. Только охранники – нормальные люди. Когда я бреду под зонтом и ветер пытается выломать хлипкие спицы, то вижу кудлатую рыжую морду за красной дверью супермаркета. И думаю: ну, хоть пёсьему тепло. И уши не отваливаются. И географию учить не надо.

Из-за *#рыжеегавкучего* мы и находим эту штуку. Леркин «артефакт». Потому что пёс пытается попасть мне под колёса, прыгнув вперёд велосипеда.

А-а-а-а-а!

Неудачное торможение!

Будь это кино, я бы трагично рухнула на газон и разбила при этом только колени. Или врезалась в стену (бетонную), а потом встала бы и пошла. Безо всякого сотрясения мозга. Но мой режиссёр пока не открыл кастинг. И не отменил травматизм вне кадра.

Наймите каскадёров, ну! Но эта серия – пилотная. Дальше

могут и не снимать. Ни бюджета толком, ни каскадёра, ни дублёра. Поэтому никакого кино.

Полное погружение.

Берегите себя и технику.

У нас легче доехать куда угодно на велосипеде, чем дождаться автобуса. Автобус-то один-единственный на маршруте и ходит раз в час. Его заполняют вездесущие старики и старушки с саженцами или полными сумками продуктов. Туда не пропихнуться. Так что я на велике с тех пор, как научилась ходить. Просто трёхколёсный сменился двухколёсным. Стаж вождения немаленький. Права категории 3 («Завидуйте!»), не иначе. А ещё я в курсе, где травмпункт. И что лучше туда не попадать.

Я успеваю вильнуть передним колесом, затормозить и даже спрыгнуть на асфальт. Почти каскадёрский трюк. Сердце колотится часто. Вроде всё норм. Со мной, с собакой, с Леркой. Но мне запоздало становится жутко. Не за себя. Могла же и переехать дуру рыжую. Или дурака. Понятия не имею, кто оно такое. Не обращала внимания.

Глинская догоняет. Слетает с велика. Подошвы кроссовок шлёпают по асфальту.

– Дина! Ты... как?

Почему-то немного кружится голова.

– Умираю. Не видно, что ли?

Мы смеёмся. Прислоняем к ближайшему дереву велосипеды и сидим на высоком тёплом бордюре, перебираем пальцами лизины васильки, а рядом носится *#рыжеегавкучее*. Повизгивает, виляет хвостом. Намекает, что хочет играть ещё. Бестолково начинает копать передними лапами землю

газона. И вместе с сухой землёй в нашу сторону отлетает монетка.

Глинская цапает её первая. Лерка вообще любит подбирать. Она – человек-находка. Мне кажется, Лерка магнитит потерянные значки, интересные пуговицы, разноцветные осколки стекла. Вот и монетка достаётся ей.

– Дина, посмотри!

#артефактнайден!

Я нагибаюсь над открытой ладонью. Что там? Рубль? Десять? Для пятирублёвой монета мелковата. И различаю львов. Два экз., две шт., две головы, два животных. Два льва. Неодинаковых. Они держат пятиугольный щит, и на маленьком льве щит лежит, упирается нижним острым краем в протянутые лапы. Крупный лев, вдвое больше мелкого, цепляется за щит сбоку. Сама монета скорее овальная, чем круглая. Неправильной формы. С обратной её стороны в пустоте выступает крупная единица.

Ну, это не настоящие деньги – что-то сувенирное. Ими в магазине не расплатиться. Может, валюта? Но какой страны? Надо запустить поисковик. И, если это просто туристическая безделушка, почему монета выглядит старой? Не древней. Просто старой. Тёмный металл, натёртые чужими пальцами бока львов, светлая прозелень рядом с единицей и у задней лапы крупного, стоящего льва.

Я меняю мысленный хештег *#артефактнайден* на *#артефиззнаетчто*.

Собака начинает громко выразительно скулить. Глинская гладит монетку кончиками пальцев. Лерка любит необычные штуки. Она не просто так человек-находка. Она – человек-коллекция. Ей нравится прикалывать значки к сумке, клеить стикеры на тетради, украшать руки татуировками-переводнушками. Мне кажется, не будь её голова, скрытая банданой, побрита сейчас налысо, она бы накрутила хвостиков, наплела косичек, навязала цветных резиночек. И не стеснялась бы, что причёска как у мелкой. Но волос у Лерки нет уже два года. Зато на каждой мочке уха – по три разные серёжки.

И вот – монетка. Странная-иностранная монетка в руке. Единицей вверх. Львы впечатываются в ладонь.

– Динка, может, это сокровище? И его надо сдать в музей?

– Угу. У нас в городе аж один музей. Краеведческий. Со всяким историческим. И ещё один за городом – усадьба путешественника Полянского, там его дом. И зачем там это?.. Это что, археологическая находка? От собаки – «чёрного копателя»?

Лерка изучает монетку. Надо узнать, сколько времени. Ведь, если нужен интернет, надо успеть до петухов.

Грохочет. Это по насыпи пошёл поезд. Второй. «Москва – Адлер». Значит, сейчас 13:47. В 22:06 загремит «Таганрог – Санкт-Петербург». В 00:05 – время скорого «Москва – Анапа». Три поезда: начало дня, середина и поздний вечер. Время Курицына измеряется поездами, сколько я себя помню.

Изменение или сбой в расписании – событие городского масштаба. Поезд у нас слышно из любого закоулка города. Поэтому что насыпь взмывает над продолговатым Курицыном, рельсы тянутся от бывших городских ворот и остатков крепостного вала до «высотки», за которой – река Гремучая, на дальнем от города её берегу – узенькая лесополоса и бесконечная степь. Мы вроде точки, через которую на уроке геометрии прочертили одну из двух параллельных прямых. Потом эти прямые превратились в рельсы, и по ним рванули из пункта А в пункт Б пассажирские вагоны. А Курицына нет в условиях задачи, он не А и не Б. Но при этом он существовал ещё до прямых-рельс и отрезков-шпал.

Дорогу мимо Курицына построили в 1861 году. При как раз вернувшемся из степной экспедиции путешественнике Полянском. А Курицын появился аж в семнадцатом веке. Ну, то есть не Курицын. Разенбург. Нормальные люди не называют город Курицыном просто так. А Разенбургом – всегда пожалуйста. Но как ни называй, а второй поезд уже прошёл. «Первый поезд едет в полночь, второй поезд едет в полдень...» Почти считалка, вроде той, что для игры в прятки. Первая курица жмурится, со второго этажа полетели три ножа, первый поезд едет в полночь...

Второй поезд отбивает колёсами очевидное:

– Ди-на. По-ра. До-мой!

Это кажется, что на летних каникулах свобода. Но я перехожу в десятый... *Мы с Леркой* переходим в десятый... И даже сейчас, в июне, у меня репетитор по русскому. Но мне не хочется расставаться с Леркой. Нет, можно писать потом в наш чатик, можно обмениваться голосовыми, но это совсем не то.

– Погнали в парк!

От нагретой плавленосырковым солнцем ротонды пахнет тёплым камнем. Мы сидим на перилах, и Лерка болтает ногами, и разные носки – зелёный однотонный и жёлтый с кислотного оттенка кляксами – вспыхивают яркими полосками между джинсами и кроссовками. Одинаковых носков у Глинской не бывает никогда. Возможно, носки – тоже часть коллекции.

Пока Лерка набирает текст, я запускаю поиск по картинкам. Единственный хоть чуть-чуть похожий результат – мимо. Да, монета, да, со львами. Танзанийский шиллинг, номинал 200 шиллингов. Львов даже два. Правда, один явно львица, тут гением биологии быть не надо. Только вот на наших вообще не похожи.

Ноль результатов поиска.

#Динавишоке

Внизу, у реки, орут во все птичьи голоса. Лерка неохотно отправляет смартфон в карман. Нет сигнала.

– И как? И что нашла?

– Ни-че-го-шень-ки! Это, наверное, сувенир. Ну... сделали на заказ, и всё.

– А я за то, чтобы выяснять дальше!

Лерка всегда мечтала расследовать. Я помню, когда мы познакомились, она читала книгу. Бумажную. Серийную. С длинным названием «тайна чего-то там». У детских детективов названия одинаковые. Про тайну. У взрослых – тоже. Только про «убийство в...» или «смерть на...». А в детективах для малышей и всех, кто восемнадцать минус, смерти не существует. Потому что у нас детство.

Про это говорила мама моей одноклассницы Крыськи, тётя Надя. Она работает психологом у нас в школе. Однажды явилась на классный час, где нам рассказывали об оккупации Разенбурга, и долго шушукалась с классной в коридоре, – тётя Надя говорила, что у нас детство, что надо меньше работать с негативом, что её дочери не нужна психологическая травма. Мне кажется, у Крыськи больше шансов получить психологическую травму из-за Жучки, достающей её по поводу и без. Но об этом она не рассказывает маме.

Но, кажется, тётя Надя считает, что в детстве не существует смерти, боли, каких-то серьёзных вещей. Ты узнаешь о них, только когда вырастешь. Возможно, они упадут тебе на макушку. И будет не сотрясение мозга, а потрясение всей тебя. Другой вопрос, что мы-то уже не дети. Началку закончили, взрослые люди. Нам зачем знать, что детям можно, что нельзя?

Ну и ладно. Она психолог, ей виднее.

#таксебепсихолог

Авторы детских детективов убеждены в том же, что и мама Крыськи. И заменяют смерть тайной.

Мой человек-коллекция Лерка Глинская ненавидит читать про смерть. А про тайны любит. Это мы выяснили сразу.

Когда сидишь в очереди травмпункта, замечаешь мелочи. Потому что это не только долго и больно, но и скучно. Я считаю – больно и скучно одновременно быть не может. Когда больно, ты не думаешь и не устаёшь. Никакого однообразия.

Но я ошибаюсь.

Я никогда раньше не попадала в очередь за результатами рентгена. Он у нас в больнице один, и там маринуют не только травмированных, но и плановых. Коридор едва не расширяется, вопреки законам пространства и времени.

Очереди. Терпеть ненавижу эти дурацкие очереди.

Те, что с жевательнорезинковым тягучим временем.

Девчонка с книгой сидела напротив меня. На соседней белой лавочке, такой типично больничной, плоской, твёрдой, обитой скользкой искусственной кожей. И пялилась на всех. Изучала пациентов, задумчивая, важная, лохмато-заспанная. Вместо того, чтобы читать. Так, иногда, из приличия, опускала взгляд на страницы. Совершенно незнакомая девчонка.

Естественно, я не знаю вообще всех, кто живёт в Курицыне. Есть такой дурацкий стереотип, что в маленьких городках жители знакомы. И если туда приезжает кто-то чужой, его сразу вычисляют. Может, в деревнях или посёлках городского типа так и есть. Но.

В Курицыне живёт одиннадцать с небольшим тысяч человек.

Знаю ли я столько народа? Нет!

Лерку я тоже тогда не знала.

И меня просто бесил её взгляд. Такой, будто я надела футболку этикеткой наружу или побежала стометровку с развязанными шнурками. И казалось: она меня сейчас сфоткает на мобильный, сделает из фото мем, выложит в популярную группу, мем залайкают, и я стану посмешищем.

Внимание, внимание, душина тревога!

Не воздушная.

Цепкий, отвратительный, оценивающий взгляд. И оценка в нём – «ниже нуля». Мы как раз совсем недавно проходили отрицательные числа. Но не скажешь же: «Отвернись!»

Рядом со мной на скамейке ныл, изводя грозную хмурую бабушку, совсем мелкий лягушонок в болоньевом комбинезоне. Наверное, ему было ужасно жарко в ста одёжках, и он просил беспрерывно:

– Ба-а-а! Пи-ить!

Бабушка делала вид, что не слышит. По её воинственно

насупленному лбу волнилась целая контурная карта из морщинок. Есть такие люди без возраста, которые не женщины, а тётки. Лягушонку досталась тётка. Клетчатый баул рядом прилагается. Это антураж. Как для косплея. Или нефорская примета. Должны же тётки узнавать друг друга в очередях. Тётки, наверное, тоже субкультура.

Возле бабушки и лягушонка стекал по стене, опираясь, чтобы не грохнуться, и залипал в планшете бледный старшеклассник. Не знаю, что он ушиб, вывихнул или сломал. Просто так результаты рентгена не ждут, ясное дело. Он выглядел настолько отстойно (вампиры в кино не такие замученные!), что я даже задумалась: может, уступить место? От совершенно здоровой бабули одолжения явно не дождёшься. Она и так косилась на парня неприязненно и бурчала что-то про загороженный свет. Будто от одного человека у широченного окна наступает полярная ночь. Пациент без родителей – кормовой продукт для тёток в поликлинике. Пинай как хочешь. У больничных старушек ты виноват по определению. Лучше не связываться. Старшеклассник в курсе, и он молчал. И я правда поднялась, кашлянула громко, кивнула парню: мол, садись давай! В идеале надо было подложить пакет или куртку. Но ничего, без них не развалилась. Я отошла к любопытной девчонке с книгой. И приземлилась на воняющий хлоркой больничный паркет возле её ярко-жёлтых тряпичных кедров.

– Как на вокзале! – возмущённо проворчала чужая бабуш-

ка.

А я ведь даже ей не мешала! Я у противоположной стены!

#Динавишоке

– А у тебя что болит?

Я вообще не сразу сообразила, что спрашивают меня. Но голос сверху. Щёлкнул по макушке дружеским безболезненным хлопком. Это та девчонка. Когда смотришь ей в кеды, то даже и вопросы не раздражают.

Взгляд дуинилы заблокирован. Чтобы снять блокировку, нажмите комбинацию клавиш...

– С пальцем что-то. С велика упала. Жду снимок.

Наверное, огрызнись я: «А тебе зачем?» – была бы права. Поначалу хочется, чтобы девчонка свалила подальше от меня. Только куда она свалит? Это я к ней подседа, а не наоборот. Вот и ответила нормально. Так ответила, что можно ещё о чём-то спросить. И непонятно: я хотела, чтобы меня не трогали, или хотела познакомиться? Сама не определяюсь? Наверное, из-за очереди. Просто потому, что нечего делать. Всё равно рентген проявят через полчаса.

– Гоняют, потом костей не соберут! – заявила старушка, как будто я рассказывала и ей тоже.

– Тебе обезбол вкололи?

– Ага. А ты что сломала? Или ушибла?

– Ничего. Я жду. Но не снимок.

– Понятно.

Совсем непонятно. Но сама уточнит, если захочет. Ма-

лыш ныл всё громче. Дайте вы ему уже пить. Я вам готова воды купить, если проблема в этом. Успокойте ребёнка, бабуля!

– У меня там мама работает. Медсестрой.

– Неплохо. А книжка у тебя про что?

– Ну, смотри! Был такой дом, где пропал мальчик много лет назад...

Я подняла голову. Радостно-сосредоточенные глаза. Ловила, как железку магнитом, чужой восторг. Девчонка рассказывала, захлёбываясь словами. Просто, когда другому невозможно интересно, его хочется слушать. Ну, мне так точно. И мы не заметили, как выяснили: я – Дина, она – Лера. А потом полчаса куда-то делись, и у меня диагностировали закрытый перелом, и я стояла со снимком в новой километровой очереди, теперь перед перевязочной. Мы наперебой выяснили с Леркой, что обе смотрим сериал про магическую школу. И у нас даже есть по нему похожие фанфики в закладках браузера! Мы смеялись, чужая бабушка, перекочевавшая со своим угрюмым лягушонком сюда (смирился, бедный, что пить не дадут), требовала не шуметь, многозначительно постукивая сухими пальцами по больничной лавочке. И наркоз уже отошёл, но оказалось даже терпимо, жить можно. И потом мы переместились на крыльцо травмпункта. Пахло весенней ранней сиренью. Лерка застёгивала покровительственно на мне куртку («Да стой, не дёргайся, у тебя же рука больная!»), грохотал второй поезд. Мы уже

успели зафрендиться в ВК (смартфон слушался и левую руку, и правую). Я уронила рецепт, Лерка шарила по ступенькам, подбирая его, и почему-то было даже не обидно, что теперь на пальце – гипс. Мимо нас спускалась чужая хмурая бабушка и тащила на руках к сидячей прогулочной коляске, припаркованной у перил, болоньевого лягушонка. Он крупненький, тяжёлый, бабушку сгибало. Она сосредоточенно смотрела на лестницу, ступая мелко-мелко и очень аккуратно. И до меня наплывом дошло, что мальчику года три или четыре, а его всё носят. И я постыдно отвернулась, чтобы чужая бабушка не разозлилась на меня ещё раз. Просто за то, что я сломала только палец, почти здоровая и могу ходить.

– Спишемся! – сказала Лерка.

Посмотрела на мою руку, покраснела и уточнила:

– А лучше по видеосвязи созвонимся!

И мы не просто обещаем друг другу. Мы вечером открываем видеоконференцию на двоих.

И это самые фантастические *#чудесаВРазенбурге*.

За те три года, что мы знакомы, у Леркиных детективов меняются обложки. Теперь на них – другие слова вместо «тайны». Но она всё равно любит в расследованиях именно загадки. Поэтому монетка-находка её вдохновляет.

– Можно снять новый сюжет. Ну, как ребус для зрителей. Вдруг расскажут интересное? – предлагает Лерка. – Петухи-то уже это... молчат!

– Свет плохой.

– Ты хочешь свет и картинку, как в блокбастере? Или тайну и всё такое?

Я очень сомневаюсь, что мои зрители знают о редких монетах. Я вообще без понятия, кто они – мои зрители. По никнеймам не вычислишь. Я единственный видеоблогер Курицына. И наш городок, если верить комментариям, для кого-то экзотика. Пускай экзотика. Это статистику просмотров поднимает.

Самый частый вопрос в обсуждениях: в Курицыне много кур? Ну, смешно, прямо не могу. Шутка за триста. Название обязывает, думаете? Но мы так называемся не из-за птиц. А из-за академика Петра Курицына. Профессора, известного химика, изобретателя и вот это всё. Просто в 1946-м, когда уже год как кончилась война, возникла проблема. Название «Разенбург». Немецкие корни слова. Логичные, да. Rasen⁴ и burg⁵. Крепость среди лужаек, как-то так. Или нелогичные? Мы крепость среди степи. С лужайками напряжёнка. Но было не до логики. И вспомнили, что именно здесь родился, а потом целых тринадцать лет обитал целый один будущий академик. Тогда, между прочим, ещё живой.

Ну и вот. Был Разенбург – стал Курицын. Радовались ли куры, не имею понятия. А академик вроде не был в восторге, но его никто не спрашивал.

⁴ Rasen (нем.) – лужайка, дёрн.

⁵ Burg (нем.) – крепость.

Но куры в Курицыне, конечно же, есть. По улицам не ходят, но по дворам кудахчут. Только о них нечего снимать в блоге.

Потенциал одной курицы = 1 сюжетоединица / x просмотров

Снимаю я какие-то смешные истории. Местные мемы. О петухах и вайфае, например, сюжет тоже есть!

Но, если по правде, снимаю о том, во что хочется закопаться и не вылезать. Это тоже расследование. Просто я снимаю про интересное и счастливое куда чаще, чем про плохое и страшное. Только жалко, что среди этих тайн бывают и смерти.

Интересно, а пропадало ли что-то от дневных петухов давным-предавню? Когда ещё не появились интернет, телевизор, радио, телеграф? Когда никакого Курицына не существовало, а был Разенбург?

Информации нет.

Не найдено.

Ошибка 404.

«См. воспоминания очевидцев».

В архивах.

А меня кто проведёт в эти архивы?

Туда, наверное, доступ 18+. И там не нажмёшь без доказательств «да», как на любом сайте с «подтвердите возраст». Ну есть мне, есть восемнадцать лет! Хочу – значит, есть. Мне восемнадцать минус четыре. А скоро станет восемнадцать

минус три. Как и Лерке. Мы родились в один день в августе. Отмечаем вместе – с самого знакомства.

И в этом году отметим.

Обязательно.

– Снимешь меня?

– С перил? – ехидно уточняет Глинская.

– С удачной стороны. Чтобы смотрелась прилично.

– В записи выкладываем?

– Заморачиваться ещё. Обрабатывать. Давай прямой эфир?

Лерка колдует с моим мобильным. Я сажусь поудобнее. Внизу облизывает камешки голодная Гремучая.

/Загрузка изображения. Надпись live/.

Вы ещё живы?! В эфире Курицын live и ваша Ди Купрум! Сегодня у нас выпуск-загадка! Во-от!

/Камера наплывает, выхватывая крупным планом монету на ладони/.

Историческая находка Ди Купрум! Сокровища Курицына! Без понятия, что это! С меня расследование и разгадка!

/Крупный план, смазанное изображение, камера дрожит/.

А пока я расследую тайну, пишите в комментах ваши варианты! Какой страны монета, что значит герб, как называется валюта! Угадали? Получите сюжет-сюрприз! Стра-а-ашный!

Жмите класс, подписывайтесь на Курицын live, не теряйтесь! Пока-пока! Ваша Ди Купрум!

/Изображение исчезает, секунду видно только чёрный экран. Конец стрима!.

Я заканчиваю вовремя. За секунду до того, как съёмку сбил бы внеплановый петушиный вопль.

Маячок тревоги внутри.

Чего он кричит? Сейчас вообще не его время! Он должен орать после третьего поезда!

И не посмотреть, нормально ли выгрузилось видео.

Что-то идёт не так. #рыжеегавкучее – под колесо. Ку-ка-ре-ку не в то время.

А – аномалия.

Б – бред.

#таксебеиюнь

– Хорошо получилось, – Глинская возвращает телефон.

Лерке нравится мой ник – Ди Купрум. Ещё бы. Она его сама и придумала. Логичный ник. Ди как Дина. Купрум как Си. Медь. С медью любят сравнивать всё красное. «Медные волосы», – пишут в книжках. Поэтому Купрум с моим природным рыжим неплохо сочетается. А ещё Ди Купрум звучит похоже на Ди Каприо. И на Дикую. Поэтому я ни за

что не стану менять ник. Даже если Лерка... если Глинская предъявит на него свои авторские права! Только ничего она не предъявит. Потому что блог на самом деле не для славы. Это наша с Глинской игра на двоих.

Игра в Курицын. Наша сказка. Которую не рассказать одной. Для неё кроме блогера нужен оператор. Появляется сигнал, а вместе с ним внезапно и комментарии. Сразу. Повезло так повезло.

Или нет.

Я начинаю думать: надо вместо блога о жизни Курицына завести образовательный подкаст. Их слушают умные люди, возможно, даже кандидаты и доктора наук, супергерои-интеллектуалы. Хотя не факт. Их и я слушаю. Целых три подкаста по журналистике и пять по русской литературе. То, что пригодится потом для поступления на журфак. Но я не пишу комментарии, когда боюсь показаться тупой. Давайте честно, к чужим блогам, подкастам и фанфикам я почти никогда не пишу комментарии.

Динка-невидимка.

И образовательный подкаст я не веду, потому что не знаю ничего особенного. Уникального. Чтобы такого контента ни у кого не было. Это Курицын мне будто принадлежит. А остальное... Есть сотни ребят лучше меня. Я их даже видела. Зимой, на профильной смене юных корреспондентов, в образовательном центре с названием звезды.

Я как этот центр – от звезды одно название.

С путёвкой просто повезло, могла бы и пролететь. Слишком большой конкурс. Региональная квота спасает, только... Только один знает, что у него лучшая творческая работа, а другой – что он единственный из мелкогородка, кто осмелился подать на конкурс.

Мне всё время кажется: дело в Курицыне, а не во мне. Меня саму по себе не взяли бы. Таких как грязи. Другие лучше пишут, знают теорию литературы и журналистики, умеют играть в волейбол. Жучкова вот уже с разрядом. Первым юношеским. А я... ну что я. Ну так. Ди Купрум. Си-си. Странности нашего городка. Курицын live.

Нормальных подписчиков заслужишь, когда сама станешь крутой. Пока читаем комментарии тех, которые есть. Я злюсь, а Глинская хохочет. Аж затылком ударяется о белый мрамор. Колонна ротонды. Плюс один к травматизму. Хоть Лерке смешно!

Gloria: Эта от инапланитян

Глория, ты дура или нарочно с ошибками пишешь? Такие приколы сто лет как устарели, это маминой молодости фишка. Она рассказывала: так было модно. Олбанский называлось, что ли. Глория, ты слишком мелкая или слишком старая, с такими орфографическими косяками?

#намагите!!!

Хочу подкаст для умных, а вот это не хочу.

/Вы оценили комментарий пользователя Gloria/.

Дизлайк тоже оценка.

Интересно, а люди становятся от дизлайков умнее? Ну, хотя бы огорчаются?

Немного Нигредо: Это из Танзании валюта, не?

Отработанная версия. Но человек хоть по делу высказался. Лайк.

/Вы оценили комментарий пользователя Немного Нигредо/.

/Пользователь Cornflower Blue подписался на ваш канал/.

Cornflower Blue: Знакомая вещичка))

/Вы оценили комментарий пользователя Cornflower Blue/.

Di Cyprium: Что-то хочешь о ней рассказать?

Cornflower Blue: Знал прежнего хозяина. И ещё хозяина. И хозяйку.

Di Cyprium: И>)))?

Cornflower Blue: См. мой никнейм. Это раз. Намёк по хозяину 1))))

Di Cyprium: И>)))2?

/Пользователь Cornflower Blue был в сети 30 секунд назад/.

Вот и поговорили.

#артефизнаетчто

Слушай, Дин, ну ты будто первый раз тролля в интернете видишь. Не играй в специалиста по шифрам.

Англоязычный ник. Перевести. Так, этого у нас точно не было в словарных диктантах. Или было. Не рисковать, есть же онлайн-переводчик. Оу, без ошибок никнейм написал! Редкий пользователь, краснокнижный! Вымирающий вид. Перевод – васильковый. И что из этого следует? Кто ты, анонимус? Ты – цветочек? Угу, цветочек, сложная ромашка. Сложный василёк.

Лизин василёк, простите. Очень по-курицынски.

Может, ты – Вася?

Но это же глупо – шифровать сетевым никнеймом имя.

Говорят, фикрайтеры и блогеры могут заводить профили с настоящими именами. Я не знаю, кто эти люди. Бесстрашные они или сумасшедшие. Как они ходят в школу, в институт или на работу? И не боятся, что кто-то скажет:

– О, это же та самая, которая пишет жёсть на фикбуке! Кстати, а скоро новый макси?⁶

– О, это он комментирует все обзоры игр! Прохождения со своими сравнивает. Как только времени хватает!

И что тогда? Особенно если ты воспитатель в детском саду или юрист? Люди думают, что нельзя любить детей или распутывать уголовные дела, если потом, вечером, придумыва-

⁶ Макси – размер фанфика от семидесяти страниц, то есть большой по объёму.

ешь продолжение любимого аниме, выкладываешь в Сеть и ставишь предупреждение «насилие и жестокость». Или советуешь, как быстрее проскочить уровни сложной стратегии в обход правил.

Вот поэтому я не встречала на таких сайтах людей с реальными аккаунтами. Никнейм латиницей, картинка от нейросети или из мультя на аватарке, и никто не смеётся над тобой и не считает странным. И я сама ставлю латинские Di над своими фиками и комментирую чужие блоги с тем же никнеймом. Никакой Дины Журавлёвой. Кому надо, тот и так знает, кто я.

Глинская вот знает. И Крыська... тоже знает.

– Я поняла!

Глинская кричит. Эхо носится над Гремучей. Отдаётся так, что кажется – к нам прибегут из той части парка, где аттракционы. Нечего, мол, шуметь!

– Громче надо. На том берегу не слышно.

– Дин, ну чего ты такая скучная? Василёк на гербе!

– Что-о?!

– На гербе Полянского. Это монета путешественника Полянского!

– Лер, ты лучше подумай... Соглашайся на инопланетян!

Смешно. Ага, монета тоже от Полянского. Всё, вообще всё хорошее – от Полянского.

Бывает, в вашем городе или хотя бы рядом с ним родился кто-то знаменитый. И заверте... Улица его имени, магнити-

ки с его лицом, в школе на всех предметах твердят о нём. Региональный компонент. Гордость невозможная. Есть чеховские, шолоховские, цветаевские места. Да каких только нет! А вот нас осчастливил Полянский. Ну, Николай Львович Полянский, тот, что знаменитый путешественник из девятнадцатого века, исследователь степей, географ, ботаник, член Законодательного собрания. И человек, который всех местных достал. Хотя и умер уже давно. Его вспоминают к любым переменам. Мол, недоволен был бы, что «высотку» построили. И что электричка до дачного посёлка на десять рублей подорожала, тоже не одобрил бы.

Я ставлю мысленно к таким причитаниям хештег *#ПолянскийорётЪ*.

Именно так.

С твёрдым знаком!

Кажется, что твёрдый знак в конце делает слово похожим на старинное. Это, конечно, бред. Но ведь бред и то, что этот Полянский прям интересовался бы нами. Он даже не жил в Разенбурге. Только учился, кажется. До его усадьбы попробуй доберись. Десятки километров от пригородной электрички по грунтовке, через поля и степь. С редкими заходами в лесополосы. У поездов есть в расписании остановка Полянское. Но она техническая. Пассажирам тут выходить нельзя. Рядом с её названием – звёздочка.

Задача со звёздочкой.

Попасть в Полянское без экскурсии – квест повышенной

сложности.

Но я и не хочу туда. И недоумеваю: что выдумывает Лерка?

– Ну, на гербе – васильки, монета в парке имени Полянских. Может, кто оставил коммент, его знал? Ну, путешественника...

– Ага. Знал... В девятнадцатом веке жил, да? Тогда и познакомился?

Я вдруг чувствую неприятный холодок посреди июньской жары.

Есть такая легенда. Аккаунты мёртвых людей в Сети. Аккаунты, которые молчат, но однажды вам напишут. Главное, не открывайте сообщение. И уж точно не отвечайте.

Мы шептались о жутеньком вечерами в классе, когда учились во вторую смену.

Вторая смена – у классов с пятого по седьмой. И она после второго поезда и до вечерней темноты. Курицын перезагружается, как обновляющаяся программа. Чернотой экрана падает на школу прозрачная темнота. Белыми буквами системного кода по ней бегут отблески фар, свет от экранов мобильных пешеходов. Перемена, скоро последний урок – и домой. Илья сидит на полу и шепчет рыхлому Гоше и перепачканному синей пастой из протёкшей ручки Косте:

– Есть такие группы. Закрытые. Приходит приглашение. Вступаешь. Интересно же. Тебе дают задания. Ну, сначала простые. Найди дохлую кошку и закопай у мусорных баков,

заберись на заброшку, в полночь не ложись спать и налей в стакан томатный сок. И селфи сделай, а потом оргам скинь. Ну, игра такая будто. Весело же. А потом один раз напишут: давай, пойди на кладбище, найди могилку с мраморным крестом...

Жучка перестаёт залипать в планшет. Любопытная Тася садится к плинтусу, боком двигается к говорящим. Где-то за школьным двором громко блеет не попад чья-то «огородная» коза, очередная Шестая или Седьмая Хтонь, и все, не стовариваясь, вздрагивают.

— ...когда человек умер, у него профиль остаётся. Но очень ему надо, чтобы ты нашёл могилку. Чтобы потом уже он входил с твоим логином и паролем. А ты под его надгробием лежал.

Костя, с его синими чернильными пятнами вокруг губ (нечего грызть стержень!), почему-то кажется мне похожим на ожившего мертвеца. Хочется отодвинуться подальше. Да, это с ним я обычно стою в одной линейке на хоре. Мы – вторые голоса. И часто перемигиваемся, и поём не те слова, что надо. «От улы-ы-ы-ыбки лопнул бегемот!» Но в тот момент казалось, что он неживой. И пытаюсь отодвинуться вместе со стулом подальше от него. Крыска стоит в проходе между рядами. И дышит мне в шею. Чем подробнее история Ильки, тем быстрее она дышит.

Мы рассказываем страшилки каждый вечер. Мы делаем вид, что не верим, ну, дебилы, что ли. И никто, совсем ни-

кто не приходит ко мне после уроков в гости и не пытается вызвать пиковую даму.

Учиться в первую смену скучно. Совсем не так. Целый нестрашный год. Но на приглашения с незнакомых закрыток смотришь с опаской.

И сейчас я вспоминаю. Да нет. Глупость какая. Дух из девятнадцатого века и интернетом не умеет пользоваться.

Лерка приплела сюда герб и васильки. Ей просто хочется феерическую разгадку. Книжную. Эффектную. Не просто: малыш игрушку потерял.

– А ещё два хозяина тогда кто?

– Курицыны! – у Лерки версия, Лерка чуть не подпрыгивает от восторга. – Петя и Лиза! Академик и его сестра! Они были знакомы с Полянским. Где Лиза пропала, помнишь? Там же тоже васильки! Лизины васильки! Я в музей поеду и...

– И удачи тебе!

Выходит резковато. Сумрачно поясняю:

– Я заберу пока монетку. Покажу человеку, который знает больше интернета.

– На Дальнюю повезёшь?

– На Дальнюю.

Мы обе молчим. Потому что понимаем друг друга. Тянет запахом мокрой глины, въедается в ноздри. Резко, будто белое безоблачное небо выжмут – и с губки стечёт пена ливня. Перед сильным дождём в воздухе Курицына обостряют-

ся запахи.

– Лер... а может, ты со мной?

– Не хочу.

Лерка теребит на руке браслет-фенечку из синих и зелёных ниток. Она любит плести такие штуки из мулине. Она смотрит под ноги, на мозаичную старую плитку. На божью коровку, ползущую по тёмной нити стыка. Там, где сходятся плитки, в зазор забивает ветром пыль.

Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба, там твои детки кушают конфетки...

Улети одна.

Пожалуйста.

Cornflower Blue. Это был тролль обыкновенный. А совсем не...

– Лер, а давай вместе? Там вода. Из источника. Или скважины. Неважно. Вода с Дальней. Если не поможет, ну и ладно, ну и проехали. Пусть как приключение! Квест просто.

На Дальней течёт живая вода. И мёртвая тоже течёт. Мёртвая с тех пор, как в 1941-м рядом взорвали молокозавод. Молочные реки, кровавые берега. А живая... ну, с тех пор, как Дальняя появилась. Говорят, Юрка Глинский, сын хозяев телевизора «Север-3», однажды в зиму вышел на тонкий лёд Гремучей. Кажется, после того, как поссорился с соседкой по парте и та ляпнула:

– Да какое тебе лётное, очкастый!

Можно сколько угодно отрицать плохое зрение самому.

Но когда говорят об очевидном те, кому раньше верил...

Прабабушка, мне за тебя стыдно.

Ну нельзя так. Ну правда.

Вы прослушали короткую историю о том, почему имя моего прадедушки не Юра.

Модельки самолётиков стояли на книжном шкафу, свисали на нитках и обрывках бечёвки с люстры, скучали за стеклом в серванте. Собирал их Юрка долго. Пока залезешь, пока упихаешь каждую в портфель... Если пройти по льду до чёрной зияющей полыни, самолёты спикируют к самому дну. Экстренная посадка, запасной аэродром! Ну вот. Всё. Теперь он дома по воскресеньям. Юрка совершенно не собирался топиться. Он просто позабыл, как после взрыва молокозавода на Дальней появилась мёртвая вода. Ходить по едва схватившемуся льду – так себе идея. Наверное, в те времена в кабинет истории карту Ледового побоища не завезли. Или историю Юрка любил меньше, чем клеить самолётики. Внимание, внимание, начинаем погружение!

#намагите!!!

Юрку спасла запасная наволочка.

Баба Вера сушила рядом на верёвке морозное хрустящее бельё. За ним и пришла. И успела подцепить лёгкого мальчишку за шиворот.

Баба Вера жила на Дальней приблизительно всегда. Мои мама, бабушка и прабабушка её помнят. А тех, кто дальше прабабушки, у меня нет никакой возможности расспросить.

Баба Вера в любую погоду ходит в тёплом. У пожилых это часто. Мёрзнут всё время. А ещё она не верит в стиральные машины. Зачем, если есть таз и верёвка? Даже постельное сама выжимает и развешивает. Ну и вот. Пошла снять с верёвок чистую наволочку и случайно спасла Юрку. Она-то в курсе, что лёд опасен. Всякое помнила.

Когда младший Глинский вернулся с реки и улицы Дальней синеватый, но без воспаления лёгких, все сразу поняли: магия. Живая вода от бабы Веры! Сам Юрка отмалчивался.

Но с тех пор среди всех восемнадцать минус и пошуршало. Колодец. Колонка. Скважина.

Лерка-Лерка, Юрка – твой пра-кто-то. Лерка-Лерка, Юрке помогло.

– Дина, ты достала. У. Меня. Всё. Хорошо. Езжай одна на свою Дальнюю... А я... я в больницу, между прочим! Приём терапевта скоро! Плановый, ясно! Комиссия в лагерь! Не одна ты по центрам катаешься, у меня тоже смена! Справки собираю, а не... а нечего придумывать! Вот!

Лерка идёт к велосипеду. Взлетает божья коровка. Отталкивается от Леркиных джинсов. Рикошетит в бело-синюю небесную сковородку.

Оповещение мобильного.

/Пользователь Cornflower Blue оценил 30 ваших записей/.

Весь мой блог о городе Курицыне-Разенбурге оценил.

– Лер, ты... пиши в чат!

– Сама пиши. Нужна помощь – сигнал. Застрянешь ещё на Дальней. У этой твоей психической бабы Веры!

Велосипед шуршит, утекая от меня.

Пересыхают язык и губы, ужасно хочется пить.

Лерка не ходит на улицу Дальнюю.

Лерка против, чтобы и я туда ходила.

Монетка впивается львами в ладонь. Надо бы разжать кулак.

В воздухе сворачивается плотным клубком звенящий тоненький звук. Будто неподалёку свистели.

Вторая глава

Вторая коллекция. Коля Полянский

Июнь, 1839 год

Свистели у колодца.

Звук нарождался где-то за пахнущими тяжёлой влагой брёвнами, за отсырелым воротом, за ржавой скрипучей цепью, ныряющей в пустоту. Давно, когда Коля был ещё

несмышлёнышем, ростом ниже приземистой садовой калитки, нянюшка пугала, говорила, что в колодезе, на дне, живёт водяница. Если заглядеться в чёрную пустоту, увидишь белое пухлое лицо. Водяница, как все теплые девки, конечно, оборачивается в хорошенькую. Морок наводит. Только на деле вода её поганит. На сущность намекает. А сущность у неё ненашенская. Только и думает, как утащить к себе, по ту сторону водицы. И поманит она, неживая, потянет руки к любопытному, позовёт так, что не устоишь. Был Коленька – и не стало. Не гляди в колодезь, милоч!

Потом Коля подрост. Проверка стала упреждать веру. Посыпались вопросы. И нянюшка спешно поправляла рассказ, всё больше путаясь в собственной истории. Сказка обрастала новым слоем загадок. Стала объёмнее, темнее, гниlostнее, но привлекательнее в загадочной мерзости. Выяснилось, что водяницу бояться – дело глупое. Водяница-то, понятно, покойница заложная. То бишь не своей смертью отошла. Это мавки – некрести. Вот мавки людей и губят. А водяницу при жизни окрестить успели, до того как она в колодезь перекочевала. Стало быть, она – нежить, а не нечисть. И, если не обижать, человеку вредить не станет. А в колодец всё одно лучше не глядеть – свалишься да потонешь!

Уже на восьмом году жизни Коле стало интересно: а откуда водяница в колодце взялась? Мавки могли издалека приплыть по Гремучей. Кто их знает, вдруг они кочуют? Течением принесло, как приносит дохлую рыбу или нездешние

синие камешки. А в колодеце просто так не заводятся. Но нянюшку Фросю почему-то пугал вопрос: кто в колодеце утопился? Она махала руками, охала и крестилась. Нянюшка верила и в бога, и в нечисть. Крестик носила, но через левое плечо могла сплунуть, под стоячей приставной лестницей не ходила, в миске молоко домовому оставляла. Только объяснить сказку всерьёз не умела.

Коля ходил по дворовым и выяснял. Надо же понять, откуда нежить берётся! Его всегда раздражали «так повелось» и «сказано – значит, так и есть». Может, он и маленький, только не глупый. Какая ещё покойница, как упокоилась? Почему выбрала колодец, а не речку Гремучую? Она совсем глупая? В речку же прыгать проще! И там можно с мавками дружить, хороводы водить и танцевать. А колодец... Ну тоска же смертная. Сидишь одна, смотришь на дно. Ведро утащишь – вот и все развлечения! И Коле становилось жаль неприкаянную водяницу. Нарождалось щемящее понимание. Несколько раз Коля даже пробирался по вечерам к занозистому срубу, кидал в тёмную глубину мамины ленты или гребешки.

– На, играйся!

Дары булькали. Загадочная водяница молчала. Утопленница оказалась плохо воспитанной. Никаких вам «спасибо». Если она там, где указано, вообще обитала. Доказательств Коля не обнаружил. Расследование провалилось. Девочку или девку, не своей смертью помершую хотя бы рядом с ко-

лодцем не то в нём, дворовые и случайные деревенские не вспомнили. Косились на маленького барина как на приближенного. Однажды он услышал за спиной ехидное:

– Видать, в матушку пошёл...

Коле стало противно. Можно было обернуться, прикрикнуть. Можно пожаловаться отцу или братьям. И говорившему не поздоровится. Но мстить не хотелось. Хотелось заткнуть уши. И думалось совсем не о колодезной нежити.

С тех самых злых слов Коля больше не пытался прознать, что и как. Решил: ошибка вышла. Нянюшка со старости иногда забывала, что где лежит. Клевала носом и засыпала подле него, занятого своими делами. Вот и придумала. Никого в колодце нет. Только ей говорить не надо. Расстроится, плакать начнёт, причитать. Жалко. Лучше отводить глаза, молчать и думать по-своему.

Потому свист нынче наводил мысли скучные. Какая там нежить! Так свистят, подзывая пса. Наверное, вернулись с охоты братья, куда Колю не взяли.

Маленький он им, в тринадцать-то лет. Мешает. И ладно. И без них неплохо.

Шёл бы куда шёл, не обращая внимания на звук. В старую оранжерею, изучать травы. Но Коля поглядел за колодец и увидел рыжую собаку. Она сидела, зубами выбирая блох из кудлатой шерсти, а рядом с ней примостилась девчонка.

Девчонка была смуглая, почти чёрная. При этом непохожая на цыганку. Цыгане иногда оказывались у ворот Полян-

ского. Из Разенбурга их, говорят, прогоняли за воровство и нищенство. К Полянскому не подпускали. Но они находили способы просачиваться за ограду, к господскому дому. Коля видел – когда с парадного крыльца, когда из окна, – как мужики отгоняют шумную, галдящую пёструю толпу. Впрочем, чаще не приглядывался. Чужие внушали не страх, а сумрачную неловкость. Будто это он, Коля, виноват, что живёт в огромном белом доме с колоннами, а не скитается босой по пыльным дорогам, как детишки в многослойных обносках. Но замеченного хватало понять: вроде это не цыганка.

Таких, как девчонка, нянюшка называла татарвой. К татарам это никак не относилось. Общее имя для нездешних, откуда бы они ни взялись. Тут, на юге, всех намешалось. Какие только нищие не просили милостыни у ворот и ограды имения. Полянское стояло у дороги. Степной путь приносил к нему пришлых. Бродяги и странники верили: из богатого дома вынесут хотя бы хлеба. Так и дотянут до ближайшей деревни. А там и к Разенбургу добредут.

Наверное, девчонка тоже из просительниц. Худо одетая: в одной длинной белой рубашке, похожей на простую ночную сорочку, даже не подпоясанная, босая. Зато с аккуратно прибранными в две смолистые косы волосами, но без платка на голове. И не малютка, с виду едва не ровесница Коли. Должна бы понимать: простоволосой ходить – срам. Девчонка шарила в траве тощими загорелыми пальцами и насвистывала. И, увлечённая занятием, Колю не замечала.

Хоть была на его земле. В его имении. Куда заказан вход бродяжкам, воровкам и нищим. Деревенских и тех за ограду не всегда пускают. Небось, лазейку нашла, пробралась. Там, где за кустами сирени у решётки расходятся прутья. Колючий путь, не раз стоивший Коле царапин на руках и шее.

А тебе жалко, что ли? Обьест? Ограбит? Прогнать легко. Только стоит ли? Можно было просто уйти. Не его дело, что за незнакомка. Но Коля заслушался свистом и упустил время.

Девчонка подняла голову, встретила взглядом.

– Что-то потеряли?

Да, он знал: к неровне обращаться надобно на «ты». Это одна из обычных странностей.

Будь учтив.

Но не со всеми.

Держись достойно.

Но с теми, с кем положено; другие обойдутся.

Сложно.

И Коля обратился к девчонке просто как к чужой. Человеку вроде него. Не как к татарве и оборванке. Без презрения и резкости.

– Клад ищу. Мой. Зарыла и не найду. Помоги.

Наверное, тайник. Известная игра. Спрячь сокровище, вроде деревянной игрушки или тряпичного лоскутка. Оставь знак, где зарыл. Вернись и радуйся. Забава для малых детей. Играет так. И вроде с ней зовёт поиграть.

А что? Если больше не с кем.

Не только ей не с кем...

Водиться с чужими воспрещено.

И подумаешь. Что ему эта смуглая с раскосыми глазами
сделает? Съест?

– Иди сюда. Не бойся.

– Вот ещё. Боялся бы я тебя.

Рыжая собака наблюдала за тем, как Коля огибает коло-
дец.

– Тут ищи. Должен быть осколок, как от чашки. Синий с
белым. Трава выросла высокая. Никак не нащупаю и не при-
мечу.

– И пожалуйста.

Траву стоило бы скосить. Она вымахала выше колен и пах-
ла горькой сухостью. Как в диких местах, а не в жилом и хо-
зяйском. Тут, на самых задворках сада, давно было всё запу-
щено. Говорят, давно, до пожара, возле белой безрукой ста-
туи были разбиты клумбы с цветами. И оранжерея стояла
аккуратная, ухоженная. А нынче повсюду росли сорняки ед-
ва не во весь рост сидящей рыжей собаки. Коля внимательно
изучал землю под ногами. Раздвигал колючие стебельки. И
увидел девчонкину потерю.

– Вон ваш осколок, глядите!

Свист стих. Как воздух в чужом нутре кончился.

– Рыжка, ко мне! Копай!

Собака метнулась к девчонке, врылась в землю, замельте-

шила лапами по команде. Коля любовался. Ему с обучением собак не везло. Даже садиться у ноги отказывались. Не слушались. Сашка, старший брат, говорил: «Не умеешь ты в строгость. Псы чувят, что нечего бояться».

Девчонка была нестрогая и нестрашная. А вон как выучила свою Рыжку! Сокровище оказалось в узелке меньше девчонкиного кулака. А что ты ждал? Ларец с кашеевой смертью?

– Спасибо, Коля. Ты помог.

Незнакомка знала его имя. Хотя, если она из деревни, что удивляться. Да из приبلудившихся тоже. Рассказали или показали. Не так много у Полянских детей.

– Да было бы за что. На здоровье.

Он покосился на тряпицу в чужой не то загорелой, не то просто коричнево-розовой ладони. Что там у неё? Какие-то побрякушки?

– Ты хороший. Не то что другие.

Речь у неё была совершенно детская. Простая. И вот он с ней на «вы», а она на «ты». Но зачем исправлять?

– Возьми. Это подарок из моего клада. На удачу. Если будет большой огонь, кидай. А так при себе носи.

Между тонких пальцев блестела мелкая монетка. Не медяк даже. Серебрушка. Слишком щедрый подарок для маленькой нищенки.

– Не надо, – проговорил Коля неловко. – Вы зря... Оставьте себе.

– На. Она неразменная. И твоя.

Коля взял неловко странный дар. Прикоснулся к чужой руке. Показалось, что кожа холодная и влажная. Слишком холодная для дневной духоты. Примерещилось, наверное.

– Благодарю!

С монетки смотрели гербовые львы. Один побольше, другой поменьше. Как известно, символы храбрости и мужества. «У приличных-то людей львы на жалованном гербе. А не васильки», – отозвались в голове чужие слова. Коля хотел спросить у девчонки, почему монетка кривоватая. Скорее овальная, чем круглая. Обернулся.

А не было никакой девчонки.

И собаки тоже не было.

Пустота, колодец, примятая трава, фарфоровый осколок.

И тихий свист, идущий откуда-то из тёмной глубины, из-под колодезного ворота.

Будто наваждение. Коля поморгал. Ущипнул себя за щеку. Нет, он не спал. Больно. И монетка, вот она, в руке. Вслушался. Не поленился, подошёл к колодцу, нагнулся и вгляделся в тёмную глубину. Причудилось, что отражение зарябило рыжим. Но морок тут же отпустил.

– Дела...

Коля отправил монетку в брючный карман. И суеверно перекрестился. Ладно девочка. Но бесшумно растворившаяся собака? Как такое может быть? И монетка. Может, это дурная вещь? Проклятая? Как из сказок о заговорённом скверном кладе?

Стало холодно и в полуденной духоте. Он снова ощутил ледяную влажноватость смуглой кожи. И подумал: надо бросить в колодец. Избавиться от пакости. Вынул. Посмотрел на блестящие бока.

А ведь можно изучить. Поглядеть, из чего она. Серебро или нет? И красивая какая.

Его собственная. У братьев нет такой и быть не может.

О ней никто не знает. Потому не отнимут. Как его тайна. Выбросить можно и потом. Коля вернул монетку в карман и зашагал с задворок. Направился мимо старой оранжереи, сейчас заброшенной и поросшей травой, во двор. Отвлёкся на мысли об отце. И как запомнил о странном приобретении до самой темноты. Избавился нарочно, вытеснил в угол памяти мысли о непонятном, навесившем его.

Задвинул далеко, к давнишнему пожару. Только, как ни

забывай, дурное возвратится. Ночью, во втором часу, когда ещё не пели петухи, с мамой опять случился припадок. Иногда бывало от тревожного сна. Из спальни кричала отчаянно: – Ники!

Коля влетел в комнату как есть, в белье. Заспанный, мало понимающий, что вокруг. Нет времени набросить на плечи рубашку, нет! Она боится. Опять боится!

Свечи были потушены. Дешёвые, сальные, они проявлялись в комнате невыветривающимся тяжёлым запахом. Окно в спальне хозяйки никогда не оставляли открытым. Мало ли чего учудит. Свечи тушили рано из экономии. Слишком быстро выгорали – так говорила нянюшка. Умалчивая второе, понятное, обстоятельство: хозяйка огня шарахается. Нагар снимать, возиться для того со щипцами и подрезать фитиль не станет. За пламенем быстро тающего огарка не уследит. А тут недалеко и до беды. А уж ей, горемычной, куда ещё-то...

От спёртого воздуха накатывала дурнота. Как она тут, без сквозняка? В отсутствие огня комнату подтапливал мрак. Вместо чернильной густоты выходила разреженность мутной воды. Как не проснулся и плывёшь в темноте сна по Гремучей, от омута к омуту. Предметы наползали. Отражались уродливо. Превращались в разлапистые тени.

Болело под рёбрами. Жжение словно круг по телу описывало. Так случалось от нервов. Но плевать на свою боль. Тревожило ощущение чужого вязкого непокоя. Коля упал на

пол подле кровати, стал гладить тонкую руку лежащей. Потом, когда стало ясно – не оттолкнёт, покровительственно накрыл ладонью мамино запястье. Не прижал, не налёг. А как защитил.

Я тёплый. Я живой. Дом не горит.

Главное – ничего из этого не сказать вслух. Напугается же.

Хотелось быть солидным и взрослым. Только выходило иначе. Тревожным: «Не уходи!»

Коля молчал и цеплялся за руку. Как когда-то совсем маленький. Тогда он видел только кружевные оборки на синей юбке, а вместо пылающей от жара кожи была шершавая ткань перчатки. Теперь просто его очередь быть сильным.

Оставалось дожидаться, когда напряжённые, скрюченные пальцы мамы, скребущие простыню, выпрямятся, обмякнут, станут вялыми. Спадёт жар, выровняется дыхание, станет слышно сонное сопение. Тогда осторожно подняться – и к себе.

Коля ненавидел ночи. Днём обычно мама или дремала, или вполне спокойно существовала без приступов. Даже разговаривала и улыбалась. Хлопотала по дому, давала распоряжения. Читала французские романы, свежие газеты и старые папенькины письма. Проблемы начинались с темнотой. Нервная болезнь, она такая.

Доктор Свечников, приезжавший из Разенбурга, прописывал микстуры и соли. Что-то весело говорил братьям и самой больной. Но, когда Коля подкараулил его у садовой до-

рожки и задал вопрос, просто опустил глаза. Лето шло к концу. Порченные палые яблоки валялись в жухлой траве. Пахло сладкой гнилью.

– Вы уже взрослый молодой человек. Должны понимать. Окончательно подобные хвори не проходят. Можно облегчить. Но вылечить...

Яблоки клевала косолапая ворона. Коля кивал, наблюдая, как она прыгает. Ленится взмахнуть крыльями.

Мама заболела после пожара. В двадцать девятом году, летом, когда шумно праздновали на улице отцовский день рождения, усадьба загорелась. Верно, оставили в доме огонь. Обошлось без жертв – чудеса невиданные. Даже кошка и та выбежать успела. И маленького Колю вынесла нянюшка. Повезло. Но нескольких минут волнения за ребёнка в горящем доме хватило. Гарь из комнат первого этажа выветрились, выбросили повреждённую мебель, сменили шторы. А вот справиться с ночными приступами хозяйки не могли до сих пор. Просто приняли то, что ночью, если закричит, ей надо принести младшего сына. Показать: жив. После сын вырос и приходил уже сам. Это был долг, от которого никуда не деться. Старшие Вася и Саша помочь не могли, хоть и пытались. Потому что в маминых кошмарах всегда погибал Коля. Ему и выручать. Ему не спать ночами.

А потом наступало утро. И не происходило ничего страшного. Оставалось привыкнуть и к ночам тоже. Тем более соли и микстуры часто помогали, дарили больной относитель-

но спокойный сон.

В комнате Коли от шагов поскрипывали половицы. Надо бы спать. Но лучше раздвинуть шторы, открыть окно нараспашку, сесть на подоконник. Какая разница, первый этаж: если и упадёт – не разобьётся. Слишком хотелось дышать.

Иногда пожар снился и ему. Помнилось смутно. Крики нянюшки, огненные языки, удушающая гарь. Что там запомнишь в три года. Кошмары приходили не картинкой. Ощущением беспомощности.

Ну их, эти сны. Вон луна какая! До полнолуния ещё далеко. Но виднеется не тонкий серпик месяца, а срезанный шар. По нему ползут тени-отпечатки. Это брат вилами брата убил. Луна увидала и сохранила картину. Нянюшкина история. Вроде той, что про водяницу. Рассказывала она её, когда старшие братья, Саша с Васей, дрались. Мол, и вас на луне запечатлят, если что. Кому понравится стать лунной мерзостью? Напоминанием о преступлении? Да вдруг и понравится. Дураки и негодяи тоже живут и на луну смотрят.

Коля любил читать, а в домашней библиотеке книг водилось немного. Те, что есть, он знал хорошо. Мог повторить целые куски наизусть. В толстой старой книжке (аж прошлого века, 1794 года выпуска!) «Жизнь и деяния первых двенадцати цезарей...»⁷ была история. О пожаре. Про импера-

⁷ Книга Гая Транквилла Светония в переводе Михаила Ильинского 1776 года под названием «Жизни и деяния двенадцати первых цезарей римских». В 1794 году этот перевод переиздаётся, значительно сокращённый, зато иллюстрированный, под названием «Жизни и деяния двенадцати первых цезарей рим-

тора Нерона, поджёгшего Рим. Чтобы войти в историю.

Почему кто-то хочет в историю через зло? Через костры и смерть? Не боится остаться на синеватой луне?

Коля вздохнул. И поднял ладонь. Казалось, будто серебряный шарик над самыми пальцами. Ну да, обман, иллюзия. Но словно в руке чудо далёкое держишь.

Луна на серебрушку похожа. Коля понял это и вспомнил про девочку с собакой. Чур-чур-чур. Ночь же. Ночью покойники заложные бродят по земле. Чужое время. Скверное. Выползает всякое.

Чаща манит, как в балладах господина Жуковского (особливо той, что о лесном царе) или болтовне дворовых девок. Лесавки⁸ угрюмыми ёжиками катятся по полянкам, семенит на одутловатых ногах в засаду к месту выпаса морная коро-
ва⁹, чертенята возятся за печной выюшкой, по дурному ма-

ских с раскрашенными изображениями». Именно эту книгу читает Коля. Название общепринятого современного (советского, постсоветского) перевода текста, опирающегося на перевод 1901 года, – «Жизнь двенадцати цезарей».

⁸ Лесавки – в славянской мифологии мелкие лесные духи. По разным источникам, дети лешего и кикиморы; дед и бабка лешего; дети, рождённые от сожительства человеческой девушки и лешего или лешахи и человеческого юноши; проклятые родителями крестьянские дети; дети, похищенные или подменённые лешим; жёны и сожительницы лешего. Коля, представляя лесавок, опирается на ту версию славянских поверий, согласно которой они имеют форму небольших клубков, похожих на ежей, и обитают в чаще.

⁹ Морная корова – в славянской мифологии аллегория чумы крупного рогатого скота, корова, чёрная собака или безобразная старуха, бродящая меж стадами, разнося заразу. Коля опирается на те поверья, где это существо имеет облик коровы.

лолетству играют в угольки.

И мама... совсем ночная.

Свечка-свеченька, не падай! Пожалуйста. Спаси и сохрани. Не меня. Её.

Отпечатки на луне проступали синевой по серебру. Гербовыми васильками цвели.

Внизу скрипели сверчки. Как по зеркалу провели шершавым и зазубренным. По темноте не глядись в зеркало. Вылезет такое... как колодезная гостья. От мыслей о чужом ночном мире полагалось пугаться. Но страха не было. Была грусть. Девчонка не назвала имени. Ничего не рассказала. Бродит дальше, ищет свои клады.

А даже ещё не купальская ночь. Она в конце месяца. В купальскую ищут цветок папоротника. Нецветущего папоротника, правда, не найти с огнём. Это же не спорыш, не лопухи, не подорожник и не богородицына трава. Этим всё поместье поросло. А папоротник, говорят, рос в оранжерее, когда мама была ещё здорова. Теперь в дикой, запущенной оранжерее, наверное, можно найти сокровище. Если рыжая собака придёт.

Находило то странное состояние, которое Коля сам не понимал: то ли сон, то ли явь. Может, он не вставал с кровати. Может, сразу, как вернулся от матушки, задремал. Коля спрыгнул с подоконника в сад. Не фарфоровый, не разобьётся. С яблони выше падать. Трава под его окном вечно была примята. Помнила его неловкие приземления. Пару раз он

падал неудачно, подворачивал ногу и потом досадно хромотал. Предпочитая думать, что запнулся на лестнице, а не...

Ветки скребли по рукам. Цеплялись за не прикрытую исподним кожу запястий. Сирень давно уже отцвела, остались одни упругие кусты. Протиснуться в лазейку между прутьями. Поворот на лужайку. Спуск к реке. Несколько неловких движений к мостику над Гремучей. Сверху точно не утянут.

Мостик нависал над зеленовато-чёрной водой. Луна размазывалась по зеркальной поверхности масляным жиром. Густая, сверкающая, лоснилась, вымывались течением. Мавки сидели у самого берега. На границе меж водой и осокой, в вязкости ила. Две постарше – совсем девушки, длинноволосые, с округлыми волнистыми телами под белыми мокрыми рубашками. Одна, крохотная, – почти младенец, пухлощёкая и кудрявая. Красивые, если не глядеть на их «отворённые» спины, в которые проглядывают не закрытые плотью кости и всё человеческое нутро. Тихо и печально играла дудочка. Звучало похоже на флейту.

Флейту он слышал однажды, в странной опере. Какая-то труппа добралась с гастролями до самого Разенбурга и давала представление на открытом воздухе. Это в городе, где и здания театра-то нет! То ли актёры оголодали, то ли оказалось по пути к местам полакомее, и не брезговать же заработком. Для округи их появление навело шуму. Театр! Как в столицах этих ваших! Добирались до спектакля из всех близлежащих поместий. Приехали и Полянские.

Сюжета Коля не помнил. Его ещё поди различи. Люди в пышных одеждах бестолково ходили по разенбургской площади туда-сюда и выводили птичьи звонкие рулады на тягучем языке. Вроде бы итальянском. Даже если и знаешь его, так тянут слова, что ничего не разберёшь. Коле хотелось дремать, только это было невежливо, он держал спину прямо, старался не падать на подлокотники плетёного соломенного кресла и старательно глядел представление. Спасала музыка. Чирикала, скрипела, ныла, говорила настоящими чистыми голосами. Совсем не похожими на искусственные певческие.

Голос той флейты сопровождал нынче мавок. Они смотрели на Колю, недвижные, улыбчивые, в венках из чистотела и облетающих уже белоголовых одуванчиков (где им взять в Полянском другие цветы?).

– Ты опять пришёл, ма-альчик?

Мавка-младенчик потянула в рот травинку-колосок. Оказалось невкусно. Скривилась, сплюнула. Басовито заревела. Курносая веснушчатая мавка потрепала её, успокаивая, по кудряшкам.

– Не бойся, ма-альчик. Мы не берём детей. Братья, где твои братья? Позови их обогреть нас! Зябко, зябко, очень зябко!

Было по-летнему душно, на лбу проступали капельки пота. Коля не просил и не спрашивал. Ждал. Ежели это сон, во сне нечисть сама угадывает мысли. Одна из старших мавок встала. Поправила съезжающий набок, к оттопыренно-

му, смешно торчащему уху, венку.

— Мы не можем её вылечить, ма-альчик. Можем позвать к себе. Весело-весело водить хороводы! Не помнить огня!

Коля замотал головой.

Мысли слипались, мысли мешались с дремотным непокоем, переплавлялись в горький дух чистотела.

Не поворачивайся ко мне спиной. Пожалуйста.

Я знаю, что там. Я не боюсь твоих налитанных влагой внутренностей. Но чую твою несуществующую боль. Я всегда чую чужие боль и печаль. Они текут сквозь меня, как лунная стынь по Гремучей. Они окутывают душу, распахивают нутро, и это я раскрыт, это я... Как тебе помочь, мавка? Чем тебя выручить?

— Ты не пускаешь её к нам. Держишь за руку. А сам ходишь. Хочешь, мы найдём тебе одолень-травы?

Куда ночь — туда и сон! Нельзя соглашаться.

Глаза у старшей, тоненькой мавки в лунном свете казались зеленовато-кошачьими. Живыми. Мамиными.

— Одолень-травя печали одолеет. Никто не поправится, только болеть внутри перестанет. Тоска уйдёт.

Коля сел на влажные брёвна мостика. Ног к воде он предусмотрительно не опускал. Обнял колени.

— Вы как доктор Свечников. Одно заладили. «Не поможет», «не поправится».

Мавки засмеялись тихо, на три голоса. Флейта взяла высокую ноту.

– Ходит-ходит. В чудеса верит. Бери одолень-траву!

– Значит, буду сам себе чудом. Я справиться хочу, вылечить, а не забыть. С травой этой вашей.

Коля вздохнул. И предложил примирительно:

– Могу в другой раз пальто принести. А то всё зябнете. Согреть просите. В пальто лучше, чем просто так. Оно хорошее, суконное. Я в нём крепость снежную строил в Святки, и тепло было.

– До-обрый-до-обрый, – старшая мавка почти пела, попадая в тон флейте. – Иди-и домой, ма-альчик. Иди-и, покуда мы танцевать не начали. А то не сдержимся, ута-ащим...

– И ладно. И пойду, раз гоните. А пальто я в другой раз вам добуду. Оно, правда, у меня одно. Носите по очереди.

Не оборачиваться. Слышишь шелест и шуршание в осоке и камышах? Это мавки несутся в хороводе. Босые ноги их беззвучно касаются земли. Это ложь, что у мавок рыбы хвосты. У них – крошечные ступни, шаг которых неслышен и лёгок. Но то, что они задели, будь то прибрежная трава или журчащая вода, – звучит. Под луной всё быстрее кружатся они. Интересно, легко ли младшенькой, низкорослой, в кругу, успевает ли она за другими?

Не гляди. Иначе заплутаешь, часами станешь бродить у ограды. Искать лазейку.

Металл прутьев холодит щёку. Скоро Коля подрастёт, станет высоким и плечистым, как Саша с Васей, и перестанет протискиваться в узкую щель. Придётся петлять до ворот. А

покуда вот он, короткий путь, через кусты отцветшей сирени, мимо колодца и останков оранжереи.

Старайся не наступить на падалицу. Чёрные зрелые ягоды тютины¹⁰ устилают траву сада. Ягоды красят кожу в несмываемый лиловый цвет, и сводить их сок в десяти водах. Не нужны тебе следы. Следы проступят поутру. Отрицать их не выйдет.

Сон, это просто сон. Нет никаких мавок. Нет. Пожалуйста. Ведь если есть, то придётся поверить, что маме не выздороветь.

Луна мазалась жидким серебром по паркету. Склеивала веки и ресницы сахарным сиропом.

Утром Коля первым делом, как всегда, увидел горы. Они тянулись изогнутой линией по схематической картинке. Мавок, может, и не было. А карта была точно. Приклеена к стене над кроватью. Коля любил рассматривать её спросонья. Карту выпустило загадочное военно-топографическое депо. Что за люди, чем занимаются? Неважно, но вот благодаря им появляются атласы, например. И карта тоже появилась. По ней легко оказалось путешествовать мысленно. Речка – горы – океан. Ты идёшь по местам со странными названиями. В которых никогда не доводилось оказаться. Промахиваешь точки городов.

Путешествия оставались горькой мечтой. Те, настоящие. Не по воображаемым горам. Братья хотя бы в пансион ездят.

¹⁰ Тютина – диалектное донское название ягод шелковицы (тутовника).

ли учиться. И возвращались домой только на каникулы. Коля кроме Полянского видел один лишь Разенбург, да и то пару раз и мельком. Потому оставалась карта, именинный, честно выпрошенный подарок.

Мама никогда не пустит его из поместья. Оставит при себе до самой женитьбы. Побоится, что он найдёт себе пожар. Странствия отменялись. Оставалось изучать настенные хребты и отроги. И думать: есть ли в далёких землях водяницы и мавки? А ещё собирать гербарий.

Гербарий вроде был Коле на роду предназначен, как смеялся папа. Когда васильки на гербе, сама судьба изучать цветы. Хотя ну при чём тут это? Пять мелких васильков, рассыпанных по серебру щита, всего-то означали четыре деревеньки и примыкавшее к Полянскому село. А редкие цветы Коля искал не из-за сложных символов. Ну, просто нравилось. Только слова отца вспоминались. Толкались внутри с ожиданием писем.

Но письма как в сказке. Из-за лесов и морей. Впрочем, море было одно. И к папенькиному пристанищу не примыкало. Или примыкало. В письмах нельзя выдавать секреты.

Коля знал от братьев и от дневной – разумной – мамы, что на Кавказ папа поехал, потому что иначе не мог. Долг, служба.

Но если ты тонкий и лёгкий, если ходишь незаметно, словно укушенный мавками, если умеешь слышать то, о чём толкуют шёпотом, то узнаешь, чего не хочешь.

Ш-тш-тс-с-с...

Сорвался, значит, барин от хворой жены. Хоть и на Кавказ. Служить. Добровольно. Судить и рядить за такое, что ли? Кому с этой дурной, ночной жить охота? Только тише говори, тиш-ш-ше. Днём-то она умная, опасаться надо. Вона как зыркает, кошка бешеная!

На Кавказе – герои. Так говорят, так надо верить, а если думаешь иначе, так молчи... И папа – герой. А дома – мама, дома – мавьи удушающие ночи, где мерещатся всполохи по

углам. Кто осудит, если дом оставил ради службы? А никто. Только шёпотом. Тс-с-с...

Папа-папа, я знаю, ты герой. Я иду с тобой по именинной дарёной карте. Отмечаю флажками места из запоздалых газет.

Ничего не слушай, ни во что не верь! Мама не может обмануть. Да и братья не совсем глупые. Потому что, если ты уехал от нас, если бросил...

Папа, ты точно герой?

Путешествовать и бежать совсем не одно и то же. Ты собираешь новые места, как я – гербарий.

Папа-папа, я хочу тебе верить. Но я умею слышать и слушать.

Коля подумал, что давно не приходило вестей. Может, папа плутал по далёким горам и не собирался возвращаться?

Ничего, когда... если... я соберу самый лучший гербарий на свете, отвезу в Академию наук. Профессора, похожие на важного доктора Свечникова, замирают по-совиному, изучают в стёкла лорнетов. Как травинку, подшитую в альбом гербария. Глядят, большие и важные, вот-вот взмахнут крыльями и взлетят.

– Какие у вас открытия, молодой человек? – и докторский рокочущий бас эхом, колючим ёжиком-лесавкой, прокатится по громадной приёмной зале.

Должна же в их Академии быть такая зала? Почему бы и да!

– Я... понимаете... я... тоже хочу стать учёным! Я собираю растения системно! Вот, первый гербарий нашей местности! Разенбургского уезда!

И про себя думать: папа будет гордиться мной таким. Пусть и младший. И не наследник. И с цветами возиться умеет лучше, чем драться или фехтовать. И запинается, когда волнуется, но... Исследователь! Замечательный человек.

Такой, которого замечают, а не как сейчас.

А кто меня туда пустит, в Академию? Как пробраться? Сложно, непонятно. Может, просто пойду в село, в старую деревянную церквушку. Вдохну горький ладан, покажу чужой маме и чужому сыну на мутно-коричневой с позолотой иконе, что у меня есть. Вот, глядите, каждое растение не зря. Из них, как из мелких разноцветных стёклышек витража над алтарём, складывается дневной мир. Полянское, село, деревушки, лес, река, Разенбург. Те места, которые надо бы хорошо понять, а лишь потом отправляться в путешествие. Я сумел! Собрал, составил, выполнил обет. И... пусть возвратится папа! Останется с нами. Пожалуйста. Пусть мама станет окончательно дневной.

В церковь его, конечно, пустят. С Академией сложнее. Но что, если откажут и те, кто про науку, и те, кто про чудеса? Если даже ночные ничего не дают, как ни проси.

Неважно. Надо просто собирать гербарий. И с последним цветком в альбоме папа прибудет в Полянское. Примета такая. Я хочу – значит, будет примета!

В умных книжках из библиотеки (тех немногих, что пылились в ней годами, никому до Коли не интересных) чужеземные дворянские дома описывались дворцами. И уж точно не неуклюжим чисто выбеленным домом с колоннами, где среди дичающего сада теряются приземистые сарайчики и амбары. На конюшне тут скверно пахло, по двору могли шататься свои или приبلудные гуси и куры. Никакой сказочной сусальности. В разумении Коли Полянское годилось для занимательных историй разве только источником бумаги. Деревьев тут для неё хватало.

После завтрака, наспех проглоченного под внимательными Васи-Сашиными взглядами, Коля рванул к ограде. Отчего-то считалось, что он тощий. И то нянюшка, то старшие братья пытались впихнуть в него еду. Не понимали, что это мелочи для настоящего учёного. Почему не изобрели особые таблетки? Глотнул – и уже сытый.

Мама во дворе смотрела толстый конторский том, высчитывала траты. Сколько бы ни сэкономили, там вечно не сходилось. Рассеянно улыбнулась Коле, спокойная и осмысленная, дневная.

– Ники, не забудь про уроки!

Ники было правильным, на английский манер, именем. Потому что Николенька – имя детское, только маме с папой и дозволенное, а Коля – ближе к простонародному. Вроде самого правящего государя императора Николая называли в детстве не то Ник, не то Ники. Вот и вышло, что Колей он

был для нянюшки, дворовых и... самого себя. Называться Ники тут, среди яблочно-тютиновой падалицы и косолапых ворон-мародёров, было всё равно что признать Полянское Версальским дворцом. Ну, или тютину – шелковицей. Вроде и Ники, и шелковица – парадные имена, напоказ. Только, когда не надо казаться приличным и уехали гости, Ники с шелковицей превращаются в Колю и тютину. Но мама упрямо называла его Ники. Коля смирился и откликался.

Монетка лежала в кармане. Намекала, куда пойти. Нет, не к чёрту. И не в комнату, к книгам, потому как стоило и правда заниматься. Ну и что, если француз-гувернёр от них недавно съехал бесследно из-за задержек жалованья. Отлично – он, Коля, учится и сам. Если захочет в университет когда-то, экзамены выдержит.

Если учиться. А не пытаться глядеть на странное.

Слушай, ну мавки тебе снятся. А девчонка?

Нет никакой девчонки.

И вовсе не к колодцу ты идёшь, а к старой оранжерее. Так, цветы посмотреть. Это тоже как урок.

Деревянные стены бывшей оранжереи торчали, упираясь в облака. Бывшие слюдяные оконца где остались осколками, а где были вынесены начисто. Может, осенними ливнями. А может, и рачительными деревенскими, сообразившими, как прибрать неохраняемое и бесхозное. Лазейки в ограде знал не только Коля. Вместо аккуратных грядок сейчас тут было буйство сорной травы. И среди травы терялись рыжие тор-

чащие уши.

Коля засвистел первым. Потрепал тёплую макушку, посмотрел в живые умные глаза. На ощупь это была вполне настоящая собака.

Вот только как ты догадался, что встретишь её тут?

– Рыжка добрая! Не бойсь.

Девчонка сидела на прогнившей доске. Доска одним краем ещё крепилась к стене, другой завис над зарослями полыни. Веса в девчонке было немного, к самой земле она доску не накренила, просто босые пятки и подол рубахи тонули среди горько пахнущих стебельков. Полынь называлась *Artemisia vulgaris*. Так правильно. Коля для себя старался запоминать научные названия знакомых растений. Из интереса. И для подписей в альбоме гербария.

– Ты чего хотел?

Собака боднула замешкавшегося Колю головой в бедро. Мол, гладь ещё!

От поленницы слышался тюкающий звук топора. Квохтали гуляющие куры. Дневная мама в отдалении на повышенных тонах втолковывала что-то приказчику. А тут, внутри оранжереи, были девочка и собака.

– Я? Вы же сами... появляетесь...

Девчонка пыталась на доске раскачиваться. Ёрзала, болтала ногами.

– Ты спросить хотел? Что за денежку купить можно? Нет, здоровье – нельзя. И жизнь – нельзя.

– А вы... кто?

– Я – Динка!

Девчонка перекинула толстую косу на грудь, явно красуясь.

– Вы в колодце живёте?

Девчонка хихикнула и ничего не ответила. Может, деревенская? А ты напридумывал...

– Ты не бойсь. Всё будет. Горы, море. Далеко поедешь. Хорошо. Только гербарий не собирай. Не надо. Плохо душу у травы забирать. А монетка пригодится. И тебе, и потом. От большого огня пригодится.

Коля ничего не понимал, потому предпочёл с умным выражением лица трепать за ухом ласковую Рыжку.

Может, просто блаженненькая? Ну, скорбная на голову?

– Динка, а вам сколько лет?

– Много. Я видала, как Разенбург закладывали.

На слове «Разенбург» Рыжка оскалилась и зарычала. Как напугалась.

– Ша! Тихо, говорю. А я про тебя всё знаю. Ты барчонок. Младшенький. И тебя мавки не трогают. Жалеют. А ещё тебя тайна изнутри ест. Пусти её. Легче станет.

Какой-то подозрительный выходил бред. На правду похожий. Это от жары, наверное. Голову напекло, вот и болтает всякое. Коля посмотрел в завиток тёмной толстой косы.

– А вы... ещё приходить будете, Динка? Я могу не задавать вопросы. Просто... ну... когда-то гулять вместе. Или я вам книгу принесу, почитаю. Про приключения.

Девчонка покачала головой. Но не как в знак отрицания, а просто мотнула от плеча к плечу от избытка чувств. Она вообще была смешная и дёрганая. Из тех, кто на месте не усидит.

– С живыми водись. Я так. Помогу, если надо.

– А вы можете помочь... не мне?

Доска качалась. Сама. Никто на ней не сидел. Разве только чёрная мелкая бабочка-воробейница. И у Колиной ноги зияла пустота. Никакой рыжей собаки с белой звёздочкой на

лбу. Да издеваются они, что ли?! А монетка была. Может, пойти к колодцу и бросить её в воду? И тогда точно не вернутся ни Динка, ни Рыжка. И загадка не вскроется. О таких загадках вообще исповедуются.

Только... не хочется ни с кем делиться этим. Как снами о мавках. Как воспоминаниями о занимающихся огнём лёгких занавесках.

Коля думал о девчонке ровно до завтрашнего отцовского письма. Ночь до этого выдалась спокойная. Повезло. Мама спала без резких пробуждений. Луна стала больше, круглее, набралась силы. Под ней казалось, что деревянные шаткие перила мостика, те, что только на одну сторону, мерцают. Мерцала и монетка-серебрушка на ладони. Мерещилось, что гербовые львы шевелятся, мнутя на уродливых кривых лапах.

– Мы не можем взять твоего, неразменного, ма-альчик. Денюшка-денешка-денежка... Денюшка ни к чему! Она вернётся, к тебе вернётся, даже из-за Окиян-моря, из-под камня Алатыря!

Мавьи звонкие голоса смешивались в густом, сытом летнем воздухе. Сплетались в затейливый звук, как плетутся девичьи волосы в витые корзиночки кос. Шипели, шелестели. А может, это просто шумели камыш да осока?

– Не купи чего хочешь серебром! Купи гостем, нашим гостем. Под водой – зеркальные чертоги, под водой так сладко спать, так мягко дремать! Скушно-скушно без гостей! Неко-

му стелить перины, некому песни сказывать! Приведи братьев, приведи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.